
Д. Д. Тумаркин

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ОКЕАНИЕЙ

В 1971 г. состоялся 6-й экспедиционный рейс научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев», в котором участвовал этнографический отряд, насчитывавший 8 человек¹. Это был первый выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Участие этнографов в этом рейсе дало значительные научные результаты: опубликованы три книги, в том числе коллективная монография «На Берегу Маклая»², и более 20 статей, сделано несколько докладов на научных конгрессах и конференциях, приобретены ценные экспонаты для ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР, сняты два этнографических фильма.

В январе — апреле 1977 г. состоялся 18-й рейс «Дмитрия Менделеева», в котором наряду с океанологами, биологами, геологами и учеными ряда других специальностей снова участвовали этнографы. В этой экспедиции, возглавлявшейся известным гидробиологом Л. А. Пономаревой, этнографический отряд насчитывал 5 человек. В него вошли четыре сотрудника Института этнографии АН СССР — москвичи Д. Д. Тумаркин (начальник отряда), В. Н. Басилов, В. Н. Шамшуров и ленинградец Е. Н. Кальшиков, а также И. М. Меликсетова (Институт востоковедения АН СССР, Москва). В. Н. Басилов, И. М. Меликсетова и Д. Д. Тумаркин принимали участие в 6-м рейсе «Дмитрия Менделеева».

Круг научных интересов участников отряда был довольно широк и разнообразен. Д. Д. Тумаркин изучал соотношение традиций и инноваций на островах Океании, идущие там социально-экономические и социально-этнические процессы, перспективы развития стран этого региона. В. Н. Басилов сосредоточил внимание на исследовании архаических элементов культуры и социальной организации океанийцев; он же вел съемки профессиональной кинокамерой. В. Н. Шамшуров интересовал прежде всего социально-этнические и демографические аспекты современной ситуации в океанийском островном мире. Е. Н. Кальшиков уделял основное внимание изучению материальной культуры; он же записывал на магнитофонную ленту образцы песенно-музыкального фольклора. И. М. Меликсетова изучала соотношение трайбализма и государственности на островах Океании, проблемы просвещения, деятельность миссионеров.

Если в 1971 г. «Дмитрий Менделеев» посетил как молодые независимые государства этого региона, так и островные территории, которые

---

¹ См. Д. Д. Тумаркин. По островам Океании (этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») — «Сов. этнография», 1972, № 2.

² «На Берегу Маклая (этнографические очерки)». М., 1975.

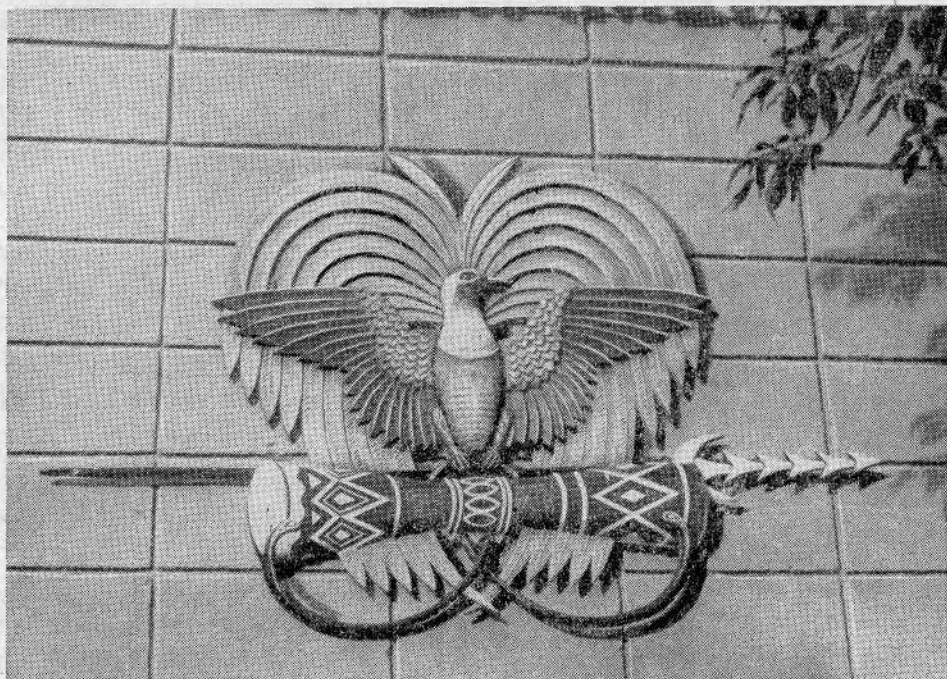

Рис. 1. Государственный герб Папуа Новой Гвинеи. Райская птица символизирует страну, традиционный барабан в ее когтях — стремление сохранить самобытную культуру, а копьё — готовность защищать недавно обретенную независимость

находились под управлением колониальных держав, то в 1977 г. вся работа береговых отрядов экспедиции велась на островах, входящих в состав трех освободившихся стран — Папуа Новой Гвинеи, Тонга и Фиджи. Наше судно заходило также в Сингапур и австралийский порт Брисбен.

Наиболее интересные научные наблюдения были сделаны в Папуа Новой Гвинее (ПНГ). Это государство, достигшее независимости в сентябре 1975 г., занимает восточную часть огромного острова Новая Гвинея и прилегающие острова. ПНГ — одна из наименее развитых стран мира. Социальная архаика усугубляется здесь необычайной этнолингвистической дробностью. В стране с трехмиллионным населением насчитывается около 700 языков³. Не случайно ПНГ превратилась в своего рода Мекку для лингвистов и этнографов.

В водах ПНГ «Дмитрий Менделеев» работал почти полтора месяца. За это время мы побывали в ее столице, Порт-Морсби, портовых городах Маданг и Лаз, высаживались на Тробрианских островах, Новой Ирландии, Лавонгаи (Новом Ганновере), Капатирунге (Каботтероне), островах Сент-Эндрю и Хермит. И, конечно, этнографический отряд воспользовался возможностью снова посетить новогвинейскую деревню Бонгу, увековеченную в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая.

В ПНГ нам прежде всего бросилась в глаза значительно возросшая подвижность коренного населения. Даже на самых маленьких островах мы встречали выходцев из других районов страны. Особенно пестрая этническая картина наблюдается в портовых городах, а также на крупных плантациях, где бок о бок трудятся представители самых различ-

³ См. С. А. Вурм. Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе. — «Сов. этнография», 1977, № 1.

ных этнических групп. Усилившиеся внутренние миграции способствуют преодолению племенной замкнутости, постепенному осознанию жителями ПНГ их принадлежности к единой этно-политической общности.

Другая характерная черта современной обстановки в ПНГ — огромная, неуклонно возрастающая роль пиджина (*писин*), или, как его все чаще называют, неомеланезийского языка⁴. Возникший в конце XIX века на плантациях, принадлежащих европейским колонизаторам, как язык общения местных рабочих с белыми хозяевами, пиджин приобрел теперь совсем иные социальные функции и стал средством межэтнического общения, *lingua franca*, на большей части территории ПНГ. Местные жители неоднократно говорили нам, что считают этот язык «своим» в отличие от английского. А в Бонгу мы даже записали любопытную легенду о происхождении пиджина, согласно которой в далекие времена этот язык принесли на Новую Гвинею культурные герои Килибоб и Мануп. На пиджине говорят как в деревнях, так и в городах, широко используют его в советах местного управления и в парламенте. На нем ведутся радиопередачи, выходят газеты и журналы. Появились писатели и поэты, пишущие на этом языке. Не подлежит сомнению, что повсеместное распространение пиджина, как и возросшая подвижность населения, будут способствовать межэтническим интеграционным процессам в ПНГ. Вместе с тем очевидно, что знание пиджина становится все более необходимым этнографам, ведущим полевые исследования в этой стране.

Еще сравнительно недавно почти все коренное население ПНГ было неграмотным⁵. Тем отраднее было наблюдать значительные сдвиги в области просвещения, связанные с созданием в стране сети начальных школ, постепенным расширением среднего образования и открытием в Порт-Морсби Университета ПНГ, в Лаэ — Технологического университета, а в Горока — Педагогического института. Мы имели немало интересных встреч с представителями молодой местной интеллигенции, главным образом с учителями и государственными служащими. В специфических условиях ПНГ важную просветительную роль играют передачи местных радиостанций. Как убедились члены этнографического отряда, транзисторные радиоприемники довольно широко вошли в быт не только городского, но и сельского населения страны.

Разумеется, новое в жизни населения ПНГ причудливо переплетается со старым, традиционным. Это проявляется и в материальной культуре, и в социально-экономической сфере, и в сфере сознания. Контрасты тут порой очень велики. Так, портативные радиопереговорные устройства, появившиеся на некоторых маленьких островах, уживаются с традиционными сигнальными раковинами, а современные методы медицинской помощи нередко рассматриваются как дополнение к магическим приемам врачевания. Вспоминается, что жители деревни Нуслик на острове Лавонган, жестоко страдающие от малярии, просили нас дать им лекарство от этой болезни. Но одновременно они утверждали, что малярия насылается колдунами или духами предков, а потому при ее лечении нельзя обойтись без магических ритуалов. Такая раздвоенность обыденного сознания характерна не только для сельского населения страны. В Порт-Морсби один из видных правительственных

⁴ Новогвинейский пиджин сложился преимущественно на основе английской лексики (подчас сильно искаженной) и некоторых элементов обобщенной меланезийской грамматики. Много слов вошло в него также из куануа (о-в Новая Британия), немецкого, малайского и ряда других языков. См. о нем подробнее: F. Mihalič. The Jacaranda dictionary and grammar of Melanesian Pidgin. Hong Kong, 1971; D. C. Laycock. Materials in New Guinea Pidgin (Coasts and Lowlands), Canberra, 1970; S. A. Wurm. New Guinea Highlands Pidgin. Canberra, 1975.

⁵ Д. Д. Тумаркин. Просвещение в Папуа Новой Гвинее. — «Сов. этнография», 1969, № 6, с. 67—70.

Рис. 2. Деревня Омаракана. Тробрианские острова

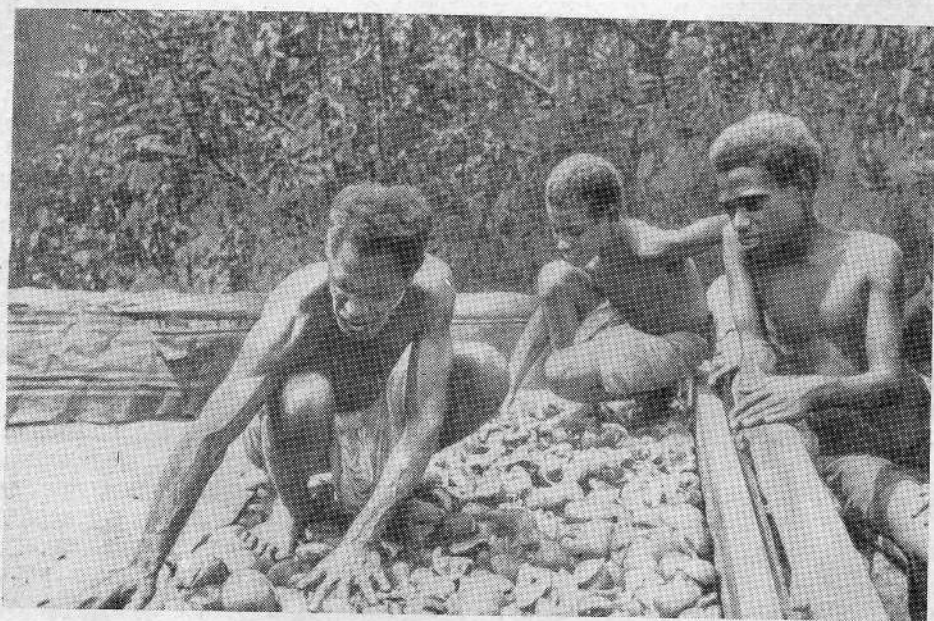

Рис. 3. Заготовка копры. Остров Капатирунг

чиновников, получивший университетское образование в Австралии, рассказал нам, что когда умер его отец, он пригласил колдуна, чтобы выяснить, не была ли смерть родителя вызвана вредоносной магией.

В ПНГ, как и в других посещенных экспедицией странах Океании, мы наблюдали закат классического миссионерства. На смену христианским миссиям пришли формально независимые церкви, подавляющее

большинство священнослужителей в которых — местные жители. Но европейские, американские и австралийские религиозные организации все же сохранили в этом регионе влиятельные позиции: они предоставляют финансовую помощь местным церквям, снабжают их религиозной литературой, посылают преподавателей в духовные семинарии, существующие на островах. Неоколониализм — отнюдь не отвлеченное понятие в Океании и в религиозной сфере.

ПНГ, как и многие другие недавно освободившиеся государства, стоит перед необходимостью выбора пути своего дальнейшего развития: традиционные общинные структуры распадаются или перерождаются и все более остро встает вопрос, что придет им на смену — частные хозяйства фермерского типа или коллективные методы ведения сельского хозяйства, прежде всего кооперация⁶. Характерная особенность обстановки в ПНГ — постепенный уход из страны белых плантаторов, начавшийся еще накануне предоставления ПНГ независимости⁷. Власти выкупают у покидающих страну иностранцев плантации и передают их местным жителям, а те в рассрочку возмещают произведенные правительством затраты. Иногда такие плантации переходят в собственность производственных кооперативов. Нам удалось ознакомиться с первыми шагами кооператива, созданного на бывшей австралийской плантации на островах Хермит. Но чаще плантации передаются кланам, в прошлом владевшим этой землей, и делятся на семейные наделы. Именно это мы наблюдали на острове Капатирунг. А вблизи Бонгу большей частью плантации, выкупленной у австралийской компании, фактически овладел один из жителей этой деревни, превратившийся в преуспевающего предпринимателя.

Важнейшим этапом работ этнографического отряда была высадка в деревне Бонгу. Поэтому целесообразно рассказать о ней несколько подробнее.

Уникальность этой деревни заключается в том, что здесь история как бы поставила своего рода эксперимент, позволяющий сделать хронологический разрез глубиной более чем в столетие: в 1871—1872, 1876—1877 и 1883 гг. в Бонгу проводил исследования Н. Н. Миклухо-Маклай, оставивший интересное и подробное описание многих сторон культуры и быта местного населения; в 1971 г. Бонгу посетил этнографический отряд, участвовавший в 6-м рейсе «Дмитрия Менделеева». Нам предстояло продолжить эти исследования и выявить перемены, происшедшие в Бонгу за последние шесть лет.

Бонгуанцы приняли нас, как старых друзей, называли своими братьями («абатра») и всячески старались помочь нашей работе. Мы подарили им нашу книгу «На Берегу Маклая» и более 100 фотографий, сделанных в 1971 г., что доставило большую радость жителям деревни.

Если в 1971 г. этнографический отряд жил на окраине Бонгу в «доме для гостей», где останавливались австралийские чиновники, то на сей раз нас разместили в недостроенной хижине в центре деревни. Часть стен у этой хижины отсутствовала, и мы жили в ней как на сцене, на виду у бонгуанцев. Гостевой дом, как символ колониального режима, больше не существует.

Уже в первый день мы заметили и другие перемены, связанные с предоставлением ПНГ государственной независимости. Так, днем (это было воскресенье) на деревенской площади состоялось собрание жителей нескольких деревень, на котором обсуждались местные дела и предстоящие выборы в парламент ПНГ.

⁶ И. Л. Андреев, Д. Д. Тумаркин. Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании. — «Сов. этнография», 1976, № 3.

⁷ A. M. McGregor. Langandrowa and M'bu'ke corporate indigenous plantations. Canberra, 1971, p. XIII.

Рис. 4. «Резиденция» этнографического отряда в Бонгу

Как и в 1971 г., по вечерам в нашей хижине собирались наиболее уважаемые бонгуанцы и за общей трапезой завязывались интересные беседы. И тут мы сразу заметили перемены. Шесть лет назад бонгуанцы держались довольно скованно, отвечали на наши расспросы, но сами вопросы задавать не решались и откровенно побаивались сопровождавшего нас австралийского колониального чиновника, который разговаривал с ними в покровительственно-снисходительном тоне. Теперь же бонгуанцы держались гораздо свободнее, охотно высказывались на самые различные темы и задавали нам много вопросов. Они с уважением относились к сопровождавшему нас чиновнику-новогвинейцу Джоэ Сомаэ, но, по-видимому, считали его «своим». Староста деревни Сали сказал нам: «Это хорошо, что люди из страны Маклая посещают Бонгу. Следовало бы поставить здесь более величественный памятник Маклаю, чем та небольшая плита, которую несколько лет назад установили ваши

люди. Ну а мы в свою очередь интересуемся страной Маклая. Пора жителям Бонгу посетить вашу страну»⁸.

Еще задолго до высадки были уточнены задачи каждого члена отряда и составлены вопросники по всем основным разделам нашей работы в Бонгу. Следует подчеркнуть, что наряду с традиционными для этнографов методами полевой работы здесь было решено использовать (насколько нам известно, впервые на Новой Гвинее) метод анкетирования, широко применяемый при этносоциологических исследованиях в СССР. Была специально разработана анкета-интервью (на английском языке), состоящая из 60 вопросов, призванных осветить демографический состав жителей деревни, уровень их образования, знание английского языка и пиджина, миграцию населения, ее причины и направленность, состав малых семей, круг брачных связей, имущественную дифференциацию в деревне, отношение родителей к получению образования их детьми, выбору ими профессии и т. д. Анкета была «адресована» главам малых семей, но поскольку они сообщали данные и о всех членах своей семьи, объем получаемой информации существенно увеличивался.

Анкетирование проводили три местных юноши, знающие как английский, так и бонгуанский язык, под руководством В. Н. Шамшурова. Было заполнено свыше 60 анкет, т. е. были охвачены примерно три четверти семей, что позволяет судить о деревне в целом. Не все вопросы анкеты оказались «работающими». Так, большинство опрошенных не знало своего возраста и возраста своих детей. Но в целом анкетирование прошло успешно и позволило за несколько дней получить массовые данные, характеризующие различные стороны жизни бонгуанцев.

Каковы же основные итоги работы этнографического отряда в Бонгу? Начнем с того, что удалось более подробно ознакомиться с сельским хозяйством бонгуанцев — методами разбивки плантаций и техникой обработки почвы, методами ирригации, соотношением традиционных и новых земледельческих орудий, сезонностью в выращивании и потреблении различных огородных культур. Получены интересные данные о земельных отношениях, в частности о том, что за замужними дочерьми сохраняются «огородные права» на землях клана их отца.

Значительное внимание было уделено современной материальной культуре бонгуанцев. Детальное обследование 10 жилых домов позволило выявить соотношение традиционных и новых предметов в быту жителей деревни. Как показали наблюдения, у бонгуанцев по сравнению с 1971 г. появилось больше покупных вещей — одежды, посуды и т. д. В быт широко вошли электрические фонарики. Если шесть лет назад в деревне имелся один радиоприемник (у старосты), то теперь их насчитывается более десятка. В то же время бонгуанцы продолжают широко применять традиционные деревянные и бамбуковые сосуды, глиняные горшки, циновки; дома сохранили прежнюю форму и возводятся только из местных материалов.

Получены новые, имеющие не только конкретно-историческое, но и в известной мере более широкое теоретическое значение данные о социальной структуре деревни — основных особенностях кланов (*вемуну*), их соотношении с малыми семьями и деревней в целом, о наличии субкланов, о динамике местной социальной структуры (превращении субкланов в самостоятельные кланы и поглощении вымирающих кланов более многочисленными). В то же время выявлены два издавна существующих клана (Кинальби и Балама), не зафиксированных ни Миклухо-Маклаем, ни этнографическим отрядом в 1971 г. Установлено, что во времена Миклухо-Маклая этнокультурная группа бонгу жила не в трех

⁸ В декабре 1970 г. в залив Астролябия на несколько часов зашло научно-исследовательское судно «Витязь» с геологической экспедицией на борту. Участники экспедиции установили на небольшом мысе в 1,5 км от Бонгу скромный обелиск в память о пребывании на этом берегу Н. Н. Миклухо-Маклая («Правда», 3 января 1971 г.).

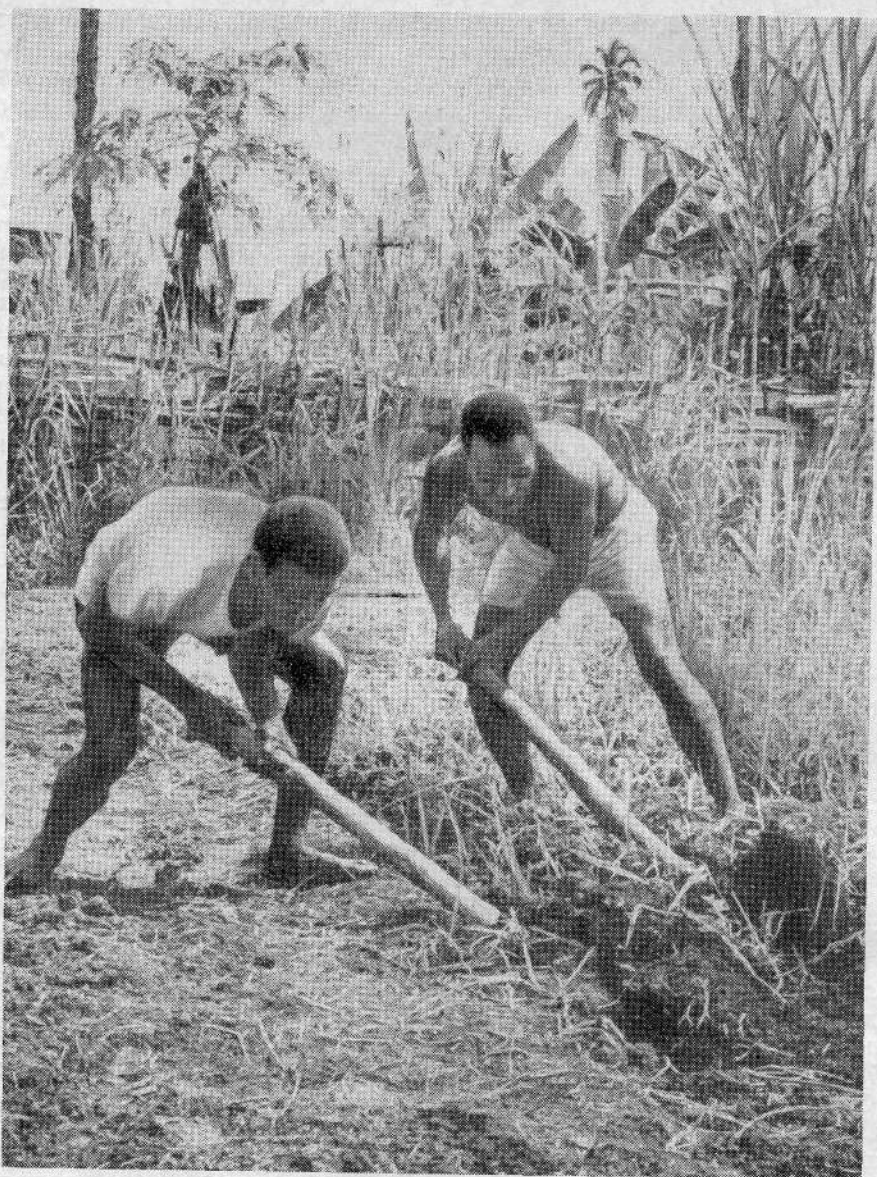

Рис. 5. Главным сельскохозяйственным орудием бонгуанцев все еще остается деревянный кол

деревнях (Бонгу, Горенду, Гумбу), как считалось раньше, а в четырех. Четвертое небольшое селение, Со-Банглю, было расположено недалеко от Гумбу.

Значительный интерес представляют данные об архаических компонентах местной социальной структуры и связанных с ними обычаях. Научная фиксация этих элементов бонгуанского жизненного уклада особенно важна потому, что они исчезают или существенно деформируются в современных условиях. Удалось собрать материал о функциях мужских домов в прошлом и настоящем⁹, об особенностях обряда инициации, совершаемого и в наши дни, когда все бонгуанцы считаются христианами.

⁹ См. статью В. Н. Басилова «Мужские дома в Бонгу», публикуемую в этом номере журнала.

Изучение бонгуанской экономики выявило значительное углубление имущественной дифференциации в деревне по сравнению с 1971 г. В 1975 г. с помощью контролируемого властями Банка развития ПНГ бонгуанцы, как отмечалось выше, выкупили кокосовую плантацию Меламу. Формально она передана кланам, владевшим этой землей до ее захвата колонизаторами. Но фактически большинством растущих там кокосовых пальм овладел бывший деревенский староста Каму, который до этого в течение нескольких лет арендовал Меламу у австралийской компании. Так в Бонгу начала проявляться характерная для других районов Океании «пальмовая парцеллизация», когда возникает частная собственность на значительные массивы имеющих товарное значение плодовых деревьев при формальном сохранении коллективной собственности на землю. Теперь у семьи Каму более 900 кокосовых пальм, тогда как у большинства других семей их численность измеряется несколькими десятками, а у некоторых — единицами. Другой признак усилившейся имущественной дифференциации — появление у шести жителей деревни небольших стад крупного рогатого скота, приобретенных ими с помощью ссуд, предоставленных властями. В то же время общедеревенское стадо, существовавшее в 1971 г., ликвидировано. О частнособственнической ориентации многих жителей деревни свидетельствуют и данные анкеты. Отвечая на вопрос, как бы они поступили, если бы у них появилась крупная сумма денег, большинство опрошенных заявило о намерении завести собственный «бизнес» — открыть лавку, купить мотобот или грузовик и т. д. Как сказал нам нынешний староста Сали, если бы правительство предоставляло ссуды и техническую помощь для осуществления крупных общинных проектов, бонгуанцы пошли бы по этому пути. Но пока что власти ПНГ не только не предпринимают конкретных шагов в указанном направлении, а поощряют создание частных товарных хозяйств. Это стимулирует в Бонгу, как и в других новогвинейских деревнях, частнособственнические тенденции.

Программа работы отряда в Бонгу предусматривала также сбор фольклорных материалов. Удалось записать на магнитофонную ленту несколько традиционных песен и танцевальных мелодий, а также звучание большого щелевого барабана (*барум*), ручного барабана (*окам*) и флейты (*схюмбинг*). Эти записи представляют значительный интерес в связи с тем, что традиционные музыкальные инструменты и песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев начинают сдавать свои позиции. Как отмечал Б. Н. Путилов, изучавший в 1971 г. данные аспекты культуры обитателей Бонгу, в эту деревню тогда еще не проник современный общеокеанийский песенно-музыкальный стиль, распространяемый по радио, а также молодежью, жившей в городах¹⁰. Теперь положение изменилось. Носителем новых веяний выступает местный самодеятельный молодежный ансамбль (три гитары, самодельный «ксилофон» из бамбуковых стволов и самодельный бас-резонатор). Эти юноши исполняют мелодии, услышанные по радио, причем иногда сами придумывают к ним незамысловатый песенный текст. Записано несколько мелодий в исполнении этого ансамбля.

Получены интересные данные о работе Совета местного управления залива Астролябия, расположенного в поселке Илек в 2 км от Бонгу, причем выявлены изменения в полномочиях и сфере деятельности Совета в связи с предоставлением стране независимости. Беседа с председателем Совета Гау Ябиле и секретарем Мэтью Сопла позволила выяснить подробности работы четырех постоянных комитетов Совета, практику созыва деревенских сходов, на которых предварительно обсуждаются вопросы, выносимые на заседания Совета. Получена копия

¹⁰ Б. Н. Путилов. В Бонгу звучат окамы. — «Сов. этнография», 1972, № 3, с. 152—153.

его бюджета на 1976—1977 финансовый год. Теперь при Совете имеются пункт первой медицинской помощи, почтовое отделение и опытно-показательная сельскохозяйственная станция.

В дни нашей высадки занятия в начальной школе, расположенной при лютеранской миссии близ Бонгу, не проводились, так как там случился пожар. Посещение этой школы позволило ознакомиться с бытом учащихся из других деревень, живущих в школьном интернате. Выяснилось, что миссионер-американец Дик Хютер вернулся в США и теперь миссией, перешедшей в ведение формально независимой Евангелическо-лютеранской церкви ПНГ, руководит местный пастор. Учитель Мупа Сунгили сообщил нам, что дети пока занимаются по тем учебникам, которые имелись в 1971 г., но в программу внесены некоторые изменения и изданы новые методические пособия для учителей. В первом классе обучение основам грамоты ведется на пиджине, одновременно начинается обучение английскому языку; во втором классе используются как пиджин, так и английский; с третьего класса все преподавание ведется на английском языке. Более подробные сведения об организации учебного процесса были получены при посещении И. М. Меликсетовой государственной начальной школы в деревне Мале (8 км от Бонгу), где обучение ведется по той же программе. Директор и учителя рассказали, что на школу, помимо ее непосредственных задач, возложена ликвидация неграмотности среди взрослого населения и распространение сельскохозяйственных знаний. В школе многое делается для вытеснения из сознания детей традиций этнотерриториальной обособленности и постепенного внедрения идеи «единства новогвинейской нации».

Почетной задачей этнографического отряда было выявление легенд и преданий о Миклухо-Маклае. Как известно, такая работа уже проводилась в 1971 г. На сей раз удалось зафиксировать четыре новых предания. На магнитофонную ленту записано также интервью с папуасом Джоном Боти, жителем деревни Богадым, который, не зная о пребывании в Бонгу советских ученых, пришел на предвыборное собрание с английским переводом новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая¹¹. Боти рассказал о своих впечатлениях от прочитанной книги и дал очень высокую оценку деятельности русского ученого-гуманиста на Новой Гвинее. Представляется весьма знаменательным, что эти дневники напечатаны в Маданге, всего в 30 км от Бонгу, причем все основные операции по изданию книги (набор, печать, корректура, брошюровочные работы и т. д.) были выполнены типографскими рабочими-новогвинейцами, а сама публикация была приурочена к провозглашению независимости ПНГ. Во время нашей работы в этой стране радиостанция Порт-Морсби транслировала серию передач, основанных на дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая.

По инициативе нашего отряда несколько групп бонгуанцев (мужчины, женщины, подростки) посетили «Дмитрий Менделеев». Гостям был показан снятый в 1971 г. кинофильм «К берегам далекой Океании», одна из частей которого рассказывает об их деревне.

В последний день пребывания этнографического отряда в Бонгу жители деревни устроили большой праздник (*сингсинг*) в честь нашей экспедиции. На праздник прибыли 103 человека с «Дмитрия Менделеева». Бонгуанцам было вручено много подарков.

Праздник начался с пантомимы, в основу которой было положено одно из преданий о Маклае, записанных нами накануне на магнитофонную ленту. В пантомиме изображалось первое появление Маклая в этих местах, его знакомство с жителем деревни Горенду Тойей, посещение русским ученым этой деревни. Далее рассказывалось о том, что

¹¹ «Mikloucho-Maclay: New Guinea diaries 1871—1883. Translated from the Russian with biographical comments by C. L. Sentinella». Madang, 1975.

Рис. 6. Традиционные танцы в Бонгу

островитяне по обычаю решили отдать чужеземцу в жены одну из местных девушек, но он отказался от этого предложения, и тогда жители заподозрили его в недобрых намерениях и сговорились его убить, когда он снова посетит Горенду. Маклай, придя в деревню, расстелил на земле циновку и улегся спать в окружении вооруженных людей. Увидев это, Тойя сказал односельчанам: «Смотрите, он не хочет сражаться, он вам доверяет. Не трогайте этого человека». И жители Горенду оставили Маклая в живых и подружились с ним.

Пantomиму по ходу действия комментировал на пиджине пастор Абудзь, а Д. Д. Тумаркин переводил его объяснения участникам экспедиции. Пantomима была очень выразительно исполнена группой бонгуанцев, причем роль Маклая играл молодой мужчина в шортах, белой рубашке и шляпе с узкими полями.

Затем гостям с «Дмитрия Менделеева» были показаны старинные танцы. Их участники надели традиционные наряды и украшения, натерли тела кокосовым маслом, а лица разрисовали черной и белой краской. В руках у большинства танцоров были окамы, с помощью которых они четко отбивали ритм. Танцы сопровождались пением. По сравнению с 1971 г. мы увидели ряд новых номеров, в том числе танец с участием нескольких женщин и сольный комический танец старика. Среди танцоров было несколько юношей и молодых мужчин — свидетельство того, что древнее танцевальное искусство бонгуанцев все еще передается из поколения в поколение.

По окончании праздника староста Сали обратился к гостям с небольшой речью. Он поблагодарил за подарки и за радушный прием на борту «Дмитрия Менделеева», сказал, что жители деревни были очень рады новой встрече с людьми из страны Маклая, и пригласил советских ученых снова посетить Бонгу.

Значительный интерес представляло посещение полинезийского архипелага Тонга — бывшего британского протектората, ставшего в 1970 г. независимым государством. Формально это конституционная

Рис. 7. Приготовление кавы. Остров Номука

монархия, но король и тесно связанная с ним группа высшей знати фактически пользуются неограниченной властью.

Экономика Тонга базируется на тропическом земледелии, главным образом на экспорте копры и бананов. Океанские просторы, окружающие архипелаг, изобилуют рыбой, но из-за отсутствия современных рыболовных судов и холодильных установок эти рыбные богатства используются очень слабо и в страну ввозятся рыбные консервы. Уже несколько лет иностранные нефтяные компании ведут поиски нефти в тонганских прибрежных водах, но, по имеющимся сведениям, сколько-нибудь значительных запасов нефти пока не найдено.

Наш отряд высаживался на острове Тонгатапу, где находится столица королевства Нукуалофа, и на маленьком острове Номука. Нукуалофа — тихий, хорошо озелененный город с населением около 20 тыс. чел. В нем имеется лишь несколько современных многоэтажных зданий.

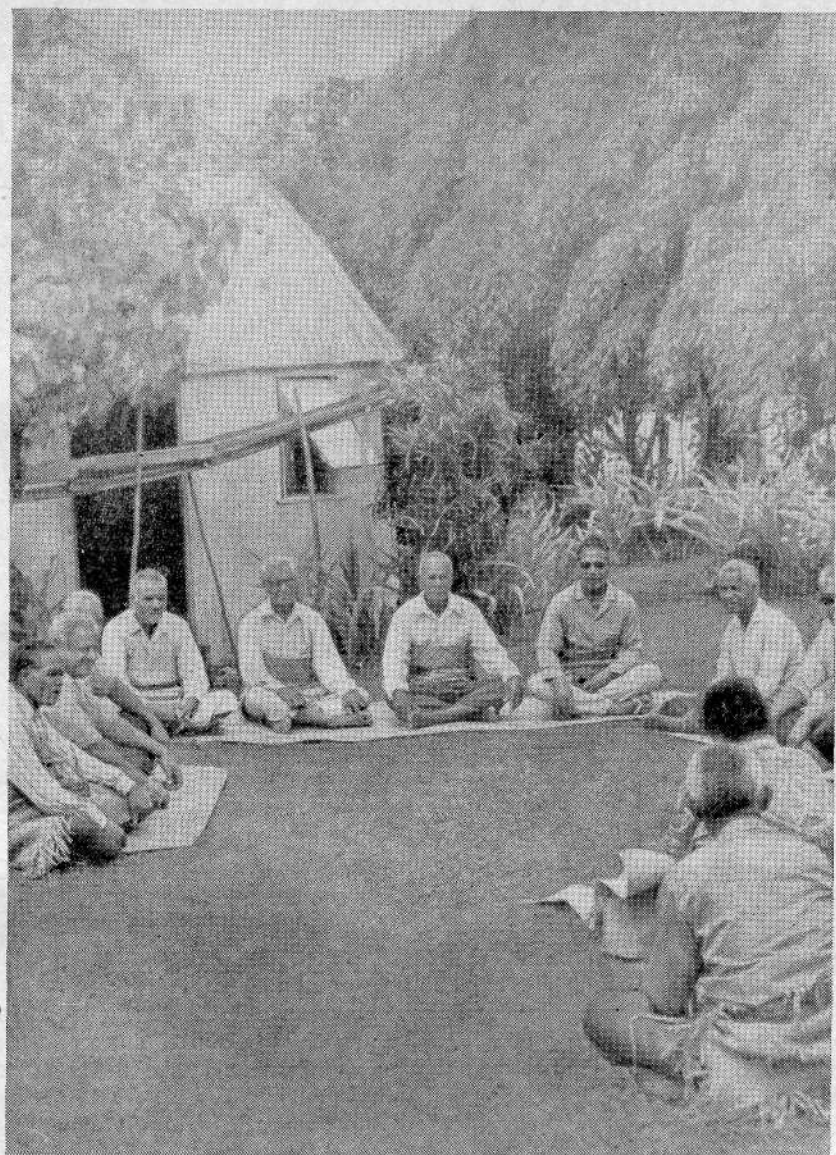

Рис. 8. В ожидании кавы. Остров Номука

На набережной выделяются королевский дворец — большое деревянное здание в викторианском стиле, построенное в прошлом столетии, и новая гостиница, принадлежащая государству. Очень колоритен городской рынок, где наряду с продовольствием можно купить сувениры и произведения местного прикладного искусства. Искусно вырезанные деревянные скульптуры и другие резные изделия продают и на набережной возле гостиницы; здесь же работают изготавливающие их мастера.

Вместе с руководством экспедиции начальник этнографического отряда нанес визит королю Туафаахау Тупоу IV. Члены отряда посетили также государственную среднюю школу, фабрику по переработке кокосовых орехов, Статистическое управление, где мы были ознакомлены с предварительными результатами переписи 1976 г., и Тонганскую радиовещательную комиссию, где в обмен на записи русских народных

песен были получены магнитозаписи тонганского песенного фольклора. Наш отряд осмотрел древние мегалитические сооружения, расположенные в 16 км от столицы, совершил поездку по окрестным деревням. Эта поездка позволила получить некоторое представление о современной тонганской деревне, ее экономике. В ходе бесед было, в частности, выявлено фактическое сохранение в деревне феодальных повинностей¹².

Во время пребывания отряда на Номуке удалось собрать интересный материал о различных сторонах жизни обитателей этого острова — их хозяйстве, материальной культуре, религии, старинных обычаях. Этнографы наблюдали и засняли церемонию питья кавы. Были посещены государственная и церковная начальные школы, а также опытно-показательная сельскохозяйственная станция. Номуку и соседний островок Номуку-Ики по традиции принадлежат наследнику тонганского престола. Удалось выяснить особенности взаимоотношений местных жителей с этим членом королевской семьи.

Как показали беседы и непосредственные наблюдения, на Тонга ощущается значительная напряженность, связанная с сохранением абсолютной королевской власти и отсталой социально-экономической структуры. В деревнях растет число безземельных, тогда как большие земельные пространства, принадлежащие знати, используются слабо или вовсе не вовлечены в хозяйственный оборот. В Нукуалофе, где наблюдается наплыв мигрантов из сельских районов, множество безработных. Некоторую отдушину составляет эмиграция в Новую Зеландию, где в настоящее время проживает 11 тыс. тонганцев, или $\frac{1}{9}$ всего населения Тонга.

Наибольшее недовольство наблюдается среди тонганской молодежи, получившей школьное образование. Эта молодежь обладает более широким кругозором и большей политической сознательностью, чем старшее поколение, нередко остающееся в плену традиционных представлений.

Подавляющее большинство тонганцев очень мало знает об СССР. Но среди них встречаются люди более осведомленные, симпатизирующие нашей стране. Так, торговец сувенирами на набережной Нукуалофы, узнав, что один из членов отряда родом из Ленинграда, сказал: «Как же, знаю, это город, где произошла революция».

В ходе экспедиции были установлены полезные контакты с рядом научных организаций и отдельными учеными, работающими в этом регионе. Остановимся лишь на некоторых из них, на наш взгляд, наиболее интересных.

В освободившихся странах Океании сложились два научно-культурных центра, влияние которых ощущается во всем тихоокеанском островном мире. Это Порт-Морсби и Сува — столицы PNG и Фиджи. В этих городах с конца 60-х годов открыты университеты, обслуживающие весь регион, функционируют музеи, исследовательские и культурные организации, выходит несколько научных, общественно-политических и литературно-художественных журналов. Здесь живут и работают многие выдающиеся представители молодой океанийской интеллигенции.

В Порт-Морсби мы посетили Институт по изучению Папуа Новой Гвинии. Правительство поручило ему разработку проблем, связанных с сохранением и развитием культурного наследия народов PNG, координацию аналогичных исследований в масштабах всей страны, а также выработку практических рекомендаций по вопросам культурного строительства. Небольшой коллектив сотрудников Института (почти все — коренные жители) совместно с отдельными, временно прикомандированными к нему иностранными учеными, ведет большую полевую рабо-

¹² О сохранении феодальных порядков в тонганской деревне см. также: R. Crombe. Land tenure in Tonga. Suva, 1975.

ту, организует дискуссии по актуальным вопросам культурной жизни, издает два журнала, «Gigibori. A Magazine of Papua New Guinea Cultures» и «Kovave. A Journal of New Guinea Literature», ежегодно публикует несколько книг и брошюр на английском языке, пиджине и языках народов ПНГ. Директор Института известный этнограф и искусствовед У. Байер до переезда в ПНГ многие годы работал в Нигерии. Подробно ознакомив нас с деятельностью этого научного учреждения, он высказался за развитие контактов с советскими этнографами.

Мы посетили также отдел социологии университета ПНГ. Значительная часть этнографической проблематики местными учеными включается в предметную область социологии, а потому разрабатывается и преподается в рамках этого отдела¹³. Его возглавляет молодая исследовательница Л. Мораута, специализирующаяся на изучении социально-этнических проблем в районе Маданга¹⁴. В наших беседах с нею участвовал также австралийский этнограф П. Лоуренс, автор известной книги о карго-культурах на Берегу Маклая¹⁵; он находился в Порт-Морсби по пути в Маданг. Отдел издает информационный бюллетень «Research in Melanesia», который до 1975 г. выходил под названием «Man in New Guinea».

Л. Мораута организовала встречу нашей группы с преподавателями отдела социологии и экономики университета ПНГ, интересующимися развитием общественных наук в СССР. Нам было задано много вопросов о теоретических основах, проблематике и исследовательских методах советской этнографической науки, ее соотношении с социологией. Наши собеседники интересовали также национальная политика Советского государства, проблемы развития культуры в прошлом отсталых малых народов СССР. Два молодых сотрудника, А. Амарши и Р. Гордон, сказали нам, что стремятся применять марксистскую методологию в своей исследовательской и преподавательской работе.

Большое впечатление произвела на нас Национальная школа искусств в Порт-Морсби, которая готовит художников, скульпторов, мастеров прикладного искусства, а также артистов, которые составят ядро труппы первого театра страны. В школе имеются хорошо оборудованные классы и мастерские. Здесь живут и учатся 60 художественно одаренных юношей и девушек, собранных со всех уголков страны. Преподаватели — европейцы и австралийцы — сказали нам, что стараются обучить своих питомцев «секретам ремесла», не изменяя их самобытного мироощущения и художественных традиций. Разумеется, можно спорить о том, насколько совместимы эти две цели. Но картины и гравюры, которые мы увидели в выставочном зале школы, по своим сюжетам, символике и манере исполнения действительно напоминают произведения традиционного искусства народов ПНГ. Среди воспитанников школы особенно выделяется талантливый художник и поэт Д. Ласиси. По нашему приглашению он посетил «Дмитрий Менделеев» и подробно рассказал о своем творчестве. Ласиси подарил нам несколько своих гравюр и иллюстрированный каталог выставки своих произведений, включающий также несколько написанных им стихотворений¹⁶.

¹³ В руководящих кругах ПНГ и других независимых государств Океании с недоверием, а порой и враждебно относятся к этнографии и антропологии, ибо здесь распространено мнение, будто эти науки занимаются изучением лишь примитивных народов. Отрицательное отношение к этим научным дисциплинам связано также с тем, что многие западные этнографы и антропологи в прошлом активно сотрудничали с колониальными властями.

¹⁴ L. Morauta. The politics of Cargo cults in the Madang area. — «Man», v. 7, № 3, 1972; *еe же*. Traditional polity in Madang. — «Oceania», v. 44, № 2, 1973; *еe же*. Beyond the village. Local politics in Madang, Papua New Guinea. Canberra, 1974.

¹⁵ P. Lawrence. Road belong Cargo. A study of the Cargo movement in the Southern Madang District, New Guinea. Melbourne, 1964.

¹⁶ D. Lasisi. Searchlight. Boroko, s. a.

Рис. 9. Типографские рабочие-папуасы, участвовавшие в издании английского перевода новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая. Маданг

Довольно значительная группа ученых-гуманитариев работает в Суве. Этносоциологическая проблематика разрабатывается здесь в Институте тихоокеанских исследований, созданном в 1974 г. при Южно-тихоокеанском университете. Институт возглавляет известный социолог и этнограф Р. Крокомб, уже многие годы поддерживающий научные контакты с советскими этнографами-океанистами. В 1973 г. он посетил нашу страну в качестве гостя Академии наук СССР.

Как рассказал нам Р. Крокомб, большинство сотрудников Института — фиджийцы, тонганцы и другие океанийцы; работают в нем и индийцы¹⁷. В центре научных интересов этого коллектива — социальные и культурные изменения на островах Океании, особенно эволюция аграрных структур, а также проблемы развития культуры малых народов региона и национальных меньшинств. Ежегодно публикуется несколько книг и брошюр на английском языке. С Институтом тесно связаны университетская Школа социального и культурного развития, издающая «*Journal of Pacific Studies*», и Южнотихоокеанская ассоциация общественных наук, выпускающая журнал «*Pacific Perspectives*».

Вспоминается также посещение Музея Квинсленда в Брисбене. В 1880 г. в этом музее изучал анатомические коллекции Н. Н. Миклухо-Маклай. Благодаря любезности директора музея А. Бартоломан и куратора отдела антропологии и археологии М. Куннелла мы получили возможность не только осмотреть очень интересную экспозицию, рассказывающую о коренном населении Океании и аборигенах Австралии, но и побывать в помещениях фондов, где хранится около 30 тысяч предметов, характеризующих традиционную культуру народов Австрало-Океанийского региона. Особенно богато представлены в фондах Новая Гвинея и некоторые другие острова Меланезии и, конечно, сам Квинсленд. М. Куннелл обещал написать обзорную статью об океанийских

¹⁷ Индийцы, завезенные на Фиджи в прошлом столетии для работы на сахарных плантациях, в настоящее время составляют половину 600-тысячного населения этой страны.

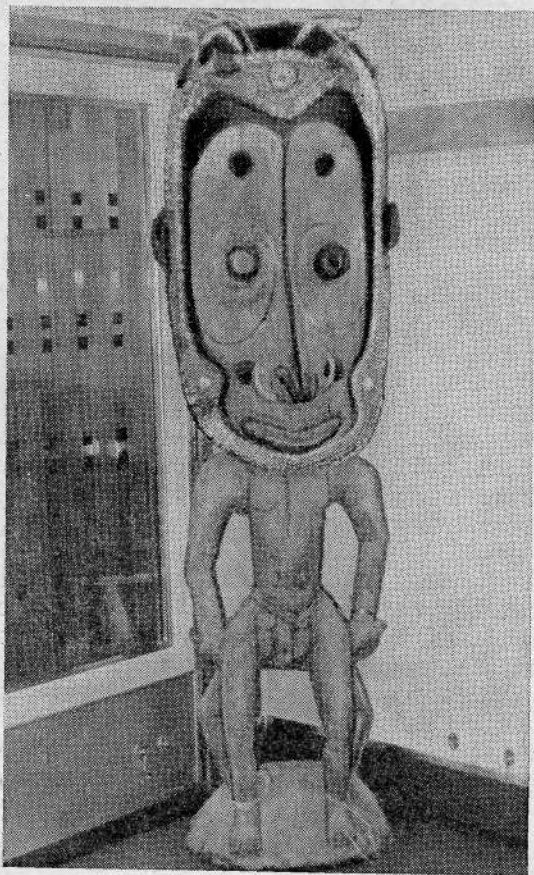

Рис. 10. Ритуальная деревянная скульптура (округ Сепик, PNG), приобретенная для Музея антропологии и этнографии АН СССР

этнографических коллекциях музея для журнала «Советская этнография».

Научным организациям и отдельным ученым мы передали 120 книг и журналов по этнографии и другим общественным наукам, изданных в СССР. Среди них книга Ю. В. Бромлея «Советская этнография: основные направления»¹⁸, ряд тематических сборников, изданных на английском языке Главной редакцией «Общественные науки и современность» АН СССР, комплекты журнала «Social Sciences», выпускаемого той же редакцией, и ежегодника Института этнографии АН СССР «Расы и народы», а также труды сотрудников этого Института, снабженные иностранными резюме, и доклады этнографов на международных конгрессах, изданные в виде брошюр на английском языке. Взамен мы получили научные публикации, отсутствующие в нашей стране.

Следует подчеркнуть, что советские научные издания были повсеместно встречены с огромным интересом. Это еще раз напоминает о необходимости дальнейшего расширения переводов работ советских этнографов на иностранные языки (главным образом на английский). Очень важно также снабжать все книги, издаваемые на русском языке, иностранными резюме, чтобы в какой-то мере преодолеть языковой барьер и привлечь к этим работам внимание зарубежных читателей.

¹⁸ Yu. V. Bromley. Soviet ethnography: main trends. Moscow, 1976.

Одной из задач этнографического отряда было приобретение экспонатов для Музея антропологии и этнографии АН СССР. В результате нашей экспедиции его океанийские коллекции пополнились 48 предметами, в большинстве своем образцами ритуальной деревянной скульптуры народов PNG. Предполагается организовать в музее временную выставку, на которой будут представлены экспонаты, привезенные участниками двух экспедиций на «Дмитрии Менделееве».

Можно смело утверждать, что участие этнографов в 18-м рейсе «Дмитрия Менделеева» дало немалые результаты. Собранные материалы будут положены в основу нескольких научных публикаций, в том числе сборника «Деревня Бонгу сегодня». В ближайшее время начнется работа над двумя цветными документальными этнографическими фильмами об островах Океании, на которых побывала экспедиция.

Итоги 18-го рейса «Дмитрия Менделеева», как и результаты во многом аналогичного ему 6-го рейса, свидетельствуют о целесообразности и перспективности комплексных морских научных экспедиций в Океанию с участием этнографов. Такие рейсы необходимо устраивать и в будущем. Вместе с тем можно и нужно добиваться дальнейшего повышения их эффективности.

В докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев отметил, что «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных»¹⁹. По-видимому, настало время переходить от сотрудничества ученых-естественников и обществоведов в отдельных морских экспедициях к совместной разработке и осуществлению долговременных научных программ — таких, как комплексное изучение природы и населения коралловых островов или исследование экологических проблем Океании.

---

¹⁹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 87.